

18+

Павел Рагнарёк,
Селуков или
Попытка
присвоить
мир

Павел Селуков

**Рагнарёк, или Попытка
присвоить мир**

«Альпина Диджитал»

2023

Селуков П. В.

Рагнарёк, или Попытка присвоить мир / П. В. Селуков —
«Альпина Диджитал», 2023

ISBN 978-5-00-223045-7

Павел Селуков – писатель, сценарист, автор нескольких сборников рассказов: «Халулаец», «Добыть Тарковского» (финалист премии «Большая книга»), «Как я был Анной»; лауреат литературной премии имени В. Катаева. В книгу вошли весьма разнородные рассказы: здесь и антиутопии, и короткие зарисовки из жизни, и пронзительные, самоироничные истории.

ISBN 978-5-00-223045-7

© Селуков П. В., 2023
© Альпина Диджитал, 2023

Содержание

Москвичи	8
Притча о человеке, который прочитал Библию	9
Афина	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Павел Селуков

Рагнарёк, или Попытка присвоить мир

Редактор *Татьяна Королёва*

Издатель *П. Подкосов*

Главный редактор *Т. Соловьёва*

Руководитель проекта *М. Ведюшкина*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Корректоры *Т. Мёдингер, Ю. Сысоева*

Компьютерная верстка *А. Ларионов*

Художник *А. Бондаренко*

Арт-директор *Ю. Буга*

Книга издана при участии Юрия И. Крылова krylovpismo@gmail.com

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© П. Селуков, 2023

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

**Павел Рагнарёк,
Селуков** или
Попытка
присвоить
мир

альпина
ПРОЗА

Москва, 2023

*Посвящается Жене Шохиной
и Алексею Троцюку*

Москвичи

Москва. Интеллигентный город. Я тут уже восемь месяцев живу. Здесь со мной в лифте здороваются незнакомые люди. Некоторые улыбаются. Это расхолаживает, настраивает на миролюбивый лад. Казалось бы – лысая башка, десять лет бокса, врожденная угрюмость, а поди же ты – хочется любви, мира во всем мире и других глупостей в том же духе. Я сам из Перми, а в Перми, чтоб вы знали, двадцать восемь колоний по краю разбросаны. Там угрюмость и готовность к драке в каждой черте лица не прихоть, а мимикрия, необходимость, ключ к некоторому выживанию. И нож еще. И чтоб походочка развязная, как бы намекающая на несерьезное отношение к своей и чужой жизни. Конечно, не вся Пермь такая. В основном Закамск, Гайва, Кислотки, Мотовилиха, Левшино, Голованово, ПДК, Юбилейный, Вышка и Крохаля. Но это в основном.

Поэтому Москве я был очень благодарен до вчерашнего дня, что она меня оттаяла. Очень я полюбил москвичей, этих чутких людей. Вот ведь, думаю, если б все россияне стали москвичами, как было бы славно. Может, и не Китеж-град, а может, и Китеж. Музеи, опять же. Общая такая обходительность. И в лифтах даже не ссут.

А вчера сажу на лавке у подъезда и курю. И пиво еще пью немножко, но из пакета, с пониманием. Сажу такой, на душе поэзия. Москвичи, думаю, москвичи мои дорогие! Тут к подъезду двое идут: мужчина одутловатый и гармоничная ему женщина. Я заулыбался, конечно, расплылся весь и говорю:

– Здрасьте!

А женщина мне в ответ:

– Забор покрасьте!

А мужчина присовокупил:

– Хули расселся? Родина в опасности! Почему не на войне?

Я офонарел, лепечу бессвязное, а женщина дверь в подъезд открыла и говорит:

– Шас ментов вызовем, быстро тебя спеленают! Под Херсон поедешь.

А мужчина ее даже крякнул, так ему эта идея понравилась.

Короче, зашли они в подъезд, и я зашел. Хотел пристыдить их, мол, вы же москвичи, как же вы, суки, такое из себя извлекаете? Мужчина с кулаками полез. Лег у лифта. Женщина возле него на корточках присела. Страх, дело такое... А я на них смотрю и спрашиваю:

– Что с вами? Как вы такое... Вы же москвичи!

А женщина такая:

– Не москвичи мы, мы из Челябинска. Пидр!

Понимаете? Камень просто с души. Не москвичи они. Нормально все. Правильно. Вернулся на лавку. Поэзия снова, птички. Из Челябинска, надо же. Понаедет сволочь всякая, пиво на лавке не дадут попить.

Притча о человеке, который прочитал Библию

Малышом он был буйным. Однажды даже выпрыгнул из коляски, когда мама зазевалась. Есть такое выражение: «Ты, главное, ходи, голова потом дойдет». Обычно его применяют в контексте визитов на группы анонимных алкоголиков, но и к детству его тоже можно применить, потому что голова совершенно не успевает за телом. Естественно, когда он подросток, его голове, то есть ему, захотелось освоить свое тело. Он бегал, прыгал, лазал по деревьям и дрочил. Еще он поднимал тяжести, чтобы видеть и чувствовать, как плоть его приобретает гераклические очертания. Надо сказать, плоть такие очертания приобрела. Он стал этакой мечтой пожилого гея-античника. Невероятно пропорциональный, с длинными руками и ногами, обвитыми эластичными мышцами под оливковой пермской кожей. Однажды он задался вопросом: «Зачем мне такое тело? Как его применить? Ну, красив я, и что? Что дальше-то?» Вопросы, согласитесь, не праздные. Просто жить в теле – как-то глупо, когда оно сложилось таким образом без особых усилий. Разумеется, он подался в спорт. Играл в футбол, облачившись в майку, рекламирующую минеральные удобрения из аммиака и карбамида. Потом майка стала красно-белой, но так ли это важно, ведь что такое, в сущности, футбол? Футбол – это попытка одиннадцати тренированных тел наладить взаимодействие между собой при помощи тренера и мозга. Именно поэтому футбол его разочаровал. Ему все время казалось, что вокруг одни идиоты, и казалось правильно, а он один умный, что тоже соответствовало действительности.

Выиграв чемпионат России и Кубок УЕФА, в двадцать два года он оставил спорт. «Тлен, какой же это тлен!» – твердил он, сидя в своей квартире на Патриарших прудах. Ни вереница юных любовников и любовниц, ни полное собрание сочинений Федора Михайловича Достоевского, купленное у знакомого антикара, ни чистый колумбийский кокс не смогли помочь ему обрести смысл существования. Он страдал, и маялся, и в помрачении решил даже, что смысл не в теле, а в разуме и в загадочных явлениях под названием «душа» и «дух». Будучи человеком последовательным, он сосредоточился на разуме, отложив душу и дух на десерт, точнее – на диплом.

Через пять лет он окончил с отличием философский факультет МГУ, походя зачитал Библию до дыр, надел пудовые вериги и два раза обошел Русь, после чего прожил год на Соловках. Многие истинки открылись ему там. Понял он благодать молчания и что усы от монастырского кваса надо оmyвать, иначе наутро не расчешешь, слипнутся. Узнал он, что Царство Божие силой берется и применяющий усилие восхищает Его. И что благодатью мы спасены через веру, и сие не от нас, а Божий дар, чтобы никто не хвалился, даже Феофан, пусть он и постился на воде сорок дней кряду. Особо же пронзили его слова апостола Павла, который велит подражать ему, как он сам Христу, а еще говорит, что для всех он сделался всем, чтобы спасти хотя бы некоторых. Ему этого очень захотелось – спасти людей от геенны огненной, от ада и всякого такого. Служить людям, но не потакать их подлой натуре, а служить через Бога. Служить Богу, служа людям, и обратно, вот так. Бога он понимал как отца любящего. Он даже про духовный возраст знал, и что закон – это детоводитель ко Христу, и что не сразу благодать, а сначала под закон надо встать, который научает тому, что такое хорошо и что такое плохо, и вот когда это научение в крови растворится и случится рождение свыше – рождение от Святого Духа, как с апостолами было в день Пятидесятницы или Троицы, тогда уже благодать и любовь к людям сойдут. Как вы понимаете, все эти истинки и идейки страшно его распирала. Чтобы они не поворотились вспять и не пожрали его, как свиньи, он оставил Соловки и пошел в мир, дабы светить всем людям, как светит город на вершине горы, потому что, зажегши свечу, не ставят ее под кровать, а ставят повыше, иначе как-то глупо.

Вернувшись в Москву, он поступил в духовную семинарию, откуда вскоре был изгнан за ересь и вольнодумство, так и не уловив, где между ними пролегает черта, начертанная право-

славным катехизисом. И вот, сидя в двухуровневой глупой квартире на Патриарших, он решил пойти в народ и в одиночку спасать души, минуя все религиозные организации и кружки. Для этого он разместил в интернете объявление: «Проповедь Евангелия. Каждую среду, пятницу и воскресенье в 19:00 у памятника Крылову на Патриарших прудах». Немного подумав, он сообразовался с духом времени и приписал: «Вход свободный».

В первую среду не пришел никто. В пятницу старушка покормила рядом голубей. В воскресенье явились двое из ФСБ, записали имя-фамилию, посмотрели паспорт с пропиской и загадочно ушли. В понедельник он позвонил в рекламное агентство и заказал десять растяжек по всей Москве. На растяжках красовались текст из вышеизложенного объявления и его имя, как оказалось, народом отнюдь не позабытое. В следующую богоспасительную среду у памятника Крылову было не протолкнуться. В основном там собрались люди в красно-белых шарфах, но пришли и обычные зеваки, а также люди с селфи-палками из инстаграма¹. Он готовил проповедь и хотел говорить о двух заповедях – возлюби Господа своего и ближнего своего, как самого себя, – но говорить не как о двух заповедях, а как о трех заповедях, потому как невозможно полюбить ближнего своего, как самого себя, предварительно не полюбив себя. Разумеется, в истинно христианском ключе. Цимес проповеди был даже не в тройственности заповеди, а в самом понимании любви в христианском ключе, то бишь любви как ненависти к греху без ненависти к человеку, и воспитании своих чувств, дабы они «навыком были приучены к различению добра и зла», как о том пишут апостолы, и, конечно, в приобретении особой духовной оптики, когда ты видишь в себе и скверну, и образ с подобием Божиим, умея не кормить скверну, но кормить образ, тем самым одолевая тьму. Так много он сказать не успел, а что успел, люди записали на видео и выложили на ютуб с подписью: «Бородач жжжот!!!» Красно-белые учению тоже не вняли, затянув малоинформативное «оле-оле». Раздав тьму автографов и запилив кучу селфачей, он ушел домой и заплакал.

Вечером ему позвонила мама, сказала, что он совсем сбрендил, попросила выслать денег и пригласила домой, в Пермь. Этот короткий разговор помог ему собраться. Господь вознес его вбок от реальности и как бы показал всё со стороны. В ту же секунду он узрел мажора-футболиста, повернувшегося на религии и вздумавшего спасать людей от геенны. Это было неправильно. Он наговорил себе много обидных слов. Например, он сказал: «Легко ходить по Руси в веригах, зная, что у тебя есть квартира на Патриарших и огромный счет в банке. А ты попробуй ходить по Руси в веригах, когда у тебя нет квартиры на Патриарших и огромного счета в банке». Тут в квартире на Патриарших раздался шепот Святого Духа. Шепот Святого Духа сказал: «Для всех я стал всем, чтобы спасти некоторых. Мало все раздать, надо опуститься на самое дно народной жизни, в посконную мглу, чтобы там светить. А тут кому светить? Тут все на кокаине». Сказано – сделано. Буквально в три недели он продал квартиру и уехал в Пермь. В Перми, ведомый Святым Духом, он поставил стол возле памятника героям фронта и тыла, что на эспланаде, сел за него и трое суток погашал пермякам ипотеки и другие кредиты, предварительно уведомив их об этом по радио и телевидению. Идею эту он подсмотрел в мультике «Южный Парк», который, по его мнению, должен смотреть всякий христианин, не боящийся ядовитой, умной и искусной критики мирян. Он не боялся.

Распрощавшись с богатством и не оставив себе ни копейки, он вернулся в родительскую хрущевку и пошел работать на завод. На заводе он доставал из железных форм бетонные плиты и проповедовал Евангелие, но не в лоб, а секретно, тихой сапой, как учили апостолы, эти первые идеологические подпольщики. Через год на заводе образовалась домашняя группа христиан. Все члены группы неофитили по полной, обольщая людей во спасение словом Божиим. Когда группа разрослась, он разделил ее на две, поставив во главе второй Петра. Не поду-

¹ Деятельность Meta Platforms inc. (в том числе по реализации соцсетей Facebook и Instagram) запрещена в Российской Федерации как экстремистская. – *Прим. ред.*

майте только, что кто-то взял псевдоним или переименовался, просто так сложилось. Потом обе группы снова выросли и разделились пополам. И снова. И опять. Началась то ли геометрическая, то ли арифметическая прогрессия. Параллельно группам в Пермском крае появились реабилитационные центры для наркоманов, алкоголиков, игроманов и бомжей. Через три года церковь с незатейливым названием «Логос» насчитывала уже порядка пятидесяти тысяч братьев и сестер, рассыпанных солью по всей России. Естественно, с самого первого дня, с маленькой заводской группы, осуществлялся сбор десятины, однако пожертвования эти были добровольными, что подкупало многих свободолюбивых людей. Давали, как вы понимаете, охотно. Когда столько пропил и проколол, на десятине ли жопиться? В итоге казна быстро отяжелела, и совет епископов – вчерашних формовщиков – постановил купить ДК им. Багратиона. Покупались также и деревенские дома, в которых устраивались ребцентры. В свою очередь, не сачковал и он, как не сачковали Отец, Сын и Святой Дух. Избавившись от кокаиновой зависимости по дороге на Соловки, он теперь помогал другим обрести известную свободу. Более того, он разработал целое учение, сутью которого стали слова Иисуса Христа: «Истинно, истинно говорю вам, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия». Главная задача любого ребцентра – провести человека через закон к покаянию и рождению свыше, то бишь преображению души под действием Святого Духа и благодати. А еще он мог помолиться с возложением рук и исцелить от любой болезни, но это ладно.

Через пять лет приходы церкви «Логос» появились в Москве и Петербурге. В то же время совет епископов постановил назначить пастору зарплату в полмиллиона рублей и купить ему квартиру в Москве, иначе не солидно. Он отказался, настоял работать на заводе и дальше, ибо да светит свет ваш во тьме. Скажу больше, при церкви появились различные бизнесы и фирмы, созданные бывшими зэками, алкоголиками и наркоманами, вдруг открывшими в себе предпринимательские жилки. Новоявленные бизнесмены, многие из которых уже ворочали миллионами, не зазнались и десятину платили исправно, прилежно памятуя о том, кто дал им старт и откуда они вообще вышли. Кроме этого, церковь отправляла за свой счет талантливых братьев и сестер учиться разным наукам. Цитата: «Для всех я стал всем, чтобы спасти хотя бы некоторых» – стала девизом библейской школы, а потом и миссионерской академии, чьи выпускники разъехались по всему свету, чтобы спасать людей от геенны огненной. Спустя двенадцать лет с основания «Логоса» он встретил школьную подругу и впервые в жизни подумал о женитьбе. Этому воспротивились епископы. По выражению одного из них, он был брендом, святым, а жена все испортит. Но тут у другого епископа родилась идея – чтобы лучше проповедовать Евангелие, надо прийти к власти на государственном уровне, то есть создать политическую христианскую партию, лидером которой, разумеется, будет он, и вот в такой ипостаси брак будет очень даже на руку. Ему эта идея не понравилась. Словосочетание «политическая христианская партия» он счел оксюмороном, происками духа мира сего, служением мамоне, искусом и ложью. Здесь епископы поднажали и уговорили его посмотреть, как живет самая что ни на есть провинция и деревня при нынешней власти, как изнемогают люди, и, если и после этого он откажется, значит, быть по сему. Через три дня из Перми вырвались три черных двухсотых «ленд-крузера» и понеслись в сторону Чердыни. Разное увидел он в той антипотемкинской поездке. Видел он беременную ныробскую девушку, живущую в гнилом бараке и затыкающую дырку в стене бутылкой с кипятком, а барак этот власти признали не аварийным. Говорил с бабой, у которой мужа пять часов везли в больницу на волокушах из деревни, куда скорая проехать не смогла, потому что власти дорогу не почистили, а муж в больнице помер. Видел он и мать, у которой сына за участие в митинге посадили, и ребеночка, которому всем миром деньги на операцию собирают. Ходил он между этих людей, мимо барачных черных и удивлялся, как он этого не заметил, пока по Руси в веригах бродил. А потом понял – Бога он искал, внутрь себя смотрел, ибо сказано – Царствие Божие внутри нас, а теперь, знать, срок пришел, вот бельма и открылись.

Из поездки братья возвращались автобусом, потому как «ленд-круизеры» он барачным людям подарил, чтобы они их продали и дома себе отстроили. И денег на операцию он велел дать, и адвокатов нанять, и дорогу до деревни почистить.

Вернувшись в Пермь, взял он недельный пост и удалился в Кунгурскую пещеру для молитвы и предерзостных размышлений. Думал он о словах апостола Павла, где сказано, что всякая власть от Бога, и об историческом контексте этих слов, ибо опасался Павел, что увлекутся молодые христиане борьбою с Римом и сгинет под мечами легионов великое учение Христа. «Но сгинет ли, если увлекусь я? Наверняка ведь не сгинет. Почему же чуется обман? Ладно. Отчего на Руси жития нет? Оттого, что воруют да мзду берут. А если я христиан чиновниками сделаю? Всех буквально, до одного. По тому же принципу, как с группами домашними. Станут ли они красть? Будут ли мзду брать? Устоят или поддадутся? А если, предположим, больше власти регионам дать? Осуществить децентрализацию? Правда ведь – нельзя так жить, околдовал государя Кесарь, опроверг в прелесть. А меня не опровергнет? Сказано: вы странники и пришельцы на земле, ваше отечество – Царствие Небесное. Сказано. А как до него дотянуться, когда свиньей бесшейной живешь, небеса не видишь?»

Все семь дней ходил он по пещере, стенал, молился и попинывал сталактиты, а на восьмой день вышел из пещеры и зарегистрировал «Христианскую партию России» безо всяких проблем, потому что наверху почти все уже симпатизировали «Логосу» и только ждали, когда власть передать, чтобы без люстраций и фигни. Вскоре встал вопрос о выдвижении в президенты и женитьбе. Он обрадовался и хотел уже позвонить той однокласснице, но епископы не дали, ибо выяснилось, что она разведенка. Он восстал на них, конечно, сказал, что это неважно, что любовь побеждает все, а ему сказали, что православные и баптисты не проголосуют, а это плохо. Что надо не из мира жену искать, а из церкви, и привели на смотрины трех гладкокожих дев восемнадцатилетних. Ради народа же, сказали епископы, чтобы Ныробов в России не было, да и вообще. Поддался он на уговоры. Велика была в нем любовь к народу. Женился смиренно, на ком и не упомяну, и пошел на выборы. Выборы прошли лихо, в один тур. Девяносто процентов россиян отдали ему свои голоса. И вот въехал он в Кремль с красавицей-женой и всеми епископами. Навалилось, конечно, сразу отовсюду. И Крым, и Сирия, и Донбасс, и Луганск, и тюрьмы, и Тува с Забайкальем, и ФСБ, и СКР, и Минобороны, и Конституция, и РПЦ, и та башня, и эта башня, и всё-всё-всё! Однако он справился. Где рукой твердой, где советом мудрым, где постом да молитвою, но удалось ему Русь реформировать и наладить народную жизнь. Не подвели его чиновники-христиане, не подвел верный епископат. Понаставили ему памятников, побольше даже, чем Лютеру, Ататюрку и Ли Куан Ю, вместе взятым. Правда, все они были без лица, ибо он так распорядился. Нет, не всё, конечно, шло гладко, случались и покушения – 217 штук, но всё как-то мимо.

Тридцать три года правил он страной, и страна процветала, а через тридцать три года разбудил его ночью шепот Святого Духа и говорит: «Нельзя же гражданское общество сверху строить, ты чего? Идолов еще понатыкал. Ну и что, что без лица? Без лица даже страшнее. Все, пора домой. Задержался ты. Отец сказал».

В ту же ночь, в возрасте семидесяти трех лет, скончался он в своей постели от кровоизлияния в мозг. Скончавшись, он, конечно, не умер, а попал на небо, в предбанник рая, где его встретил мужчина с эспаньолкой и в синем берете. Он удивился, узнав в мужчине Бердяева. Тот отводил глаза. Он спросил Бердяева: «Почему вы, Николай Александрович? Почему не апостол Петр?» Бердяев отвел глаза чуть ли не за висок и ответил: «Петр не захотел. Понимаешь... Тебе не сюда». Бердяев снял берет и вытер лицо. Его мутило. Последовал ответ: «Я знаю. Мне в геенну. Навсегда». Бердяев застыл: «Нет. Тебе по новой ветке. Или по старой. Ты хотя бы понимаешь – за что?» Он усмехнулся. «Все тридцать три года, что я правил, я был несчастен. Может ли худое дерево приносить добрые плоды? Стоило мне жениться на той однокласснице. А так – я согрешил против любви к человеку, полюбив коллективную реаль-

ность, миф». Бердяев прошептал: «Если б ты этого не знал...» Он был тверд: «В том-то все и дело – я знал. А с понимающего двойной спрос». И спрос был двойным, и ад стал реальным, но, Господи, кому какое дело, когда в Ныробе, плечом к плечу, вместо гнилых бараков стоят крепкие особняки.

Он очнулся на земле в теле льва. Вокруг оплывала жаром саванна. «Ад – это Африка?» – с изумлением подумал он. Неподалеку пасся ягненок. И хотя он очнулся львом, какие-то мгновения его ум был умом глубоко человеческим. В голове пронеслось: «И возляжет лев с ягненком, и наступит Царствие Божие на земле». Он вдруг с беспредельной ясностью понял, что стоит ему подойти к ягненку и возлечь с ним, как первородный грех падет, падут оковы, а вместе с ними и все страдания, вся неправда и весь ужас земной жизни. Он кинулся к ягненку со всех лап. Так марафонец рвется к финишу. Так бегут к оазису, смешав в душе безумие с надеждой. Так бросаются грудью на дзот. На пятом длинном прыжке, прямо в воздухе, его человеческое сознание угасло. Голодный лев, каких много бродит по саванне, пал на ягненка и пожрал его. Наевшись, лев улегся отдыхать, чтобы вскоре проголодаться и снова выйти на охоту, чтобы были силы покрыть самок и родить львят, которые, в свой черед, тоже пойдут на охоту и покروют своих самок, и таким будет мир, пока не погаснет солнце.

На самом деле, я не знаю, куда он попал. Умер просто в семьдесят три года, и все. А про Бердяева я вам откровенно навернул. А Россия, действительно, хорошо живет. До молочных рек и кисельных берегов далеко, конечно, но пьют меньше и воруют незначительно. Аллилуйя и аминь.

Афина

Она была актрисой... На этом бы и закончить. Я был креативным продюсером... И тут бы промолчать. Но ведь это всё неправда, правда? То есть правда, но художественная. Иными словами – талантливый пиздеж. Так вот. Чечня. Местечко Хой. Старинное поселение воинов. Умопомрачительные горы, за верхушки которых цепляются облака. Где-то идет война... Но не здесь, не здесь. Съёмочная группа человек сто. Фудтрак, туалет, гримерные. Целый караван. Режиссер громко рассказывает об искусстве, главным образом используя слово «пидоры». Благодарные слушательницы внимают, но недолго. Обед. «Понимаешь, – говорит режиссер, – это всё хуйня». Я понимаю. А еще я хочу курить. После обеда так всегда. Как и после завтрака с ужином. Две тысячи семьсот метров над уровнем моря. Здесь трудно дышать, не то что курить, но я настырен. Я тут не случайно. Я написал сценарий и теперь слежу, чтобы сериал был снят строго по нему. Вернее, не так. Я слежу, чтобы сериал был снят по моей трактовке сценария, а не по трактовке режиссера. В известном смысле, я занимаюсь герменевтикой. Понятно, почти все меня тут ненавидят. Почему «почти»? Некоторые очень ловко это скрывают. На площадке двоевластие. Народ этого не любит. Как и демократии с вытекающими. История человеческой цивилизации тому порукой.

Тот же день, вечер. У меня закончились сигареты. Купить негде, до ближайшего магазина два часа езды. А меня все ненавидят. А я всю жизнь хотел, чтобы меня все любили. Я попал в ад, а потом у меня закончились сигареты. В аду. И пошел снег с дождем. И нет шапки, и волосы намокли, и продрог до костей. Так я оказался в палатке, где раньше не был. Зашел и увидел на стуле девушку, укутанную в неправдоподобное количество пледов. Так устроены все мужчины с локонами, читавшие в детстве «Айвенго», – если им очень холодно, но вдруг они встречают девушку, которой тоже очень холодно, эти мужчины тут же согреваются ее холодом и начинают действовать. Поэтому я присел возле девушки на корточки, улыбнулся синими губами и спросил:

- Вы замерзли?
- Очень замерзла.
- Хотите горячего чаю?
- Очень хочу.
- Может быть, горячей еды?
- Было бы превосходно.

Девушка улынулась. А мне почему-то жутко понравились ее «очень» и «превосходно». Было в этом что-то, что если не говорило, то хотя бы намекало на родство наших душевных конституций. Может быть, их даже написал один автор. Все эти мысли пронеслись во мне не словесно, а каким-то теплым чувством, будто мое одиночество стало менее одиноким.

Отыскав и чаю, и пищи, я накормил и напоил девушку. Она, в свою очередь, угостила меня пледом. В итоге мы оказались на соседних стульях в той близости, которая не оставляет места молчанию. Я спросил:

- Кто вы?
- Афина. Я играю Василису в сериале.

Я воззрился. Во-первых – Афина. Я знал, что у нас есть актриса по имени Афина, но когда вот так вслух... Ну да бог с ним. Во-вторых, она играла главную женскую роль. Обычно актеры так и говорят – главная роль. Им важно, что она главная. Афина так не сказала, и это мне тоже очень понравилось. Объяснюсь. Сегодня был ее первый съёмочный день, она замерзла, вот я ее и не узнал. Замерзший человек и человек в портфолио все-таки два разных человека.

Я ответил:

- А я Олег. Я придумал Василису.

А потом добавил:

– Как, собственно, и весь сценарий.

Добавил и тут же об этом пожалел. Афина не подчеркнула, что она актриса главной роли, а я зачем-то подчеркнул, мол, сценарист. Подчеркнул и поморщился. А она улыбнулась с такой иронией, с таким пониманием, что... я не знаю. За такое я и люблю жизнь. Идешь такой по Чечне, ищешь сигаретку и – хоп – натыкаешься на большого человека, с которым вы одинаково... нет, не думаете, чувствуете?

– Олег, у вас такое лицо... О чем вы задумались?

Это Афина вывела меня из ступора своей детской непосредственностью. Я отреагировал, как подросток.

– Мне кажется, вы большая.

– Экзистенциально?

– Конечно.

– Ну, я люблю «Илиаду»...

Мы переглянулись и вместе рассмеялись. Очень естественно у нас это получилось. Хотя не с каждым человеком получается естественно рассмеяться. Мы рассмеялись, и я поправил ее плед. Аккуратно, не касаясь тела, но все же медленно и как-то нежно. В ту же секунду мне показалось, что Афина может подумать, будто я к ней подкатываю. Я этого не хотел. То есть я не хотел, чтоб она подумала, будто я подкатываю к ней как к девушке, а не как к человеку. Будто мне нужен от нее только секс. Я не хотел ее оскорбить ни объективацией, ни примитивностью. Поэтому я откланялся и ушел.

На следующий день в Чечне светило солнце. Мы случайно встретились с Афиной на фудтраке, а дальше пошли вместе, ничего не имея в виду, без особых на то причин. Вы замечали, что идти вместе хорошо именно тогда, когда нет особых причин? Мы провели вдвоем несколько часов: исследовали все башни и башенки поселка Хой, любовались видами и много фотографировались. Точнее, я фотографировал Афину по ее просьбе. Она строила объективу рожицы и принимала забавные позы. Мы обсудили длину ее ног, а еще важность длины ног для всех современных женщин. Вскоре разговор превратился в попытку дать определение современной женщине, а потом и современности. В конце концов мы попытались дать определение жизни. Я предложил воспользоваться апофатическим подходом. Понесло меня, чего уж тут. Афина посмотрела на меня с юмористическим интересом и спросила:

– А чем тебе не угодил катафатический? Уж не тем ли, что он не апофатический?

Я рассмеялся. Объяснюсь, вдруг кто не в курсе. Катафатический метод – это если б мы перечислили то, чем жизнь является, ее приметы, признаки. Апофатический – это перечислить то, чем жизнь не является, чтобы с помощью исключений прийти к тому, чем жизнь является. Было весело. Да и почему-то произносить эти мудреные слова, жевать их и пережевывать в присутствии друг друга было приятно.

Высота некоторых башен и шаткие лестницы побуждали меня подавать Афине руку, а иногда и обхватывать ладонями за талию, как бы подсаживая. Первое прикосновение к ней, пусть и в рамках этикета, далось мне непросто. Не то чтобы прикосновение обязывает, скорее, оно сразу обоим о чем-то говорит. О чем-то таком, чего не скажешь словами, не передашь взглядом. А еще в этой тактильности есть риск быть неверно истолкованным. Но больше всего я боялся взять Афину за руку и понять, что мне нравится держать ее за руку. Потому что если тебе нравится держать кого-то за руку... Во-первых, я женат. Во-вторых, Афина младше меня на пятнадцать лет. Она могла бы быть моей дочерью. Может, в этом все дело? Одиннадцать лет назад я потерял сына и с трудом это пережил. А тут Афина, замерзшая и голодная, в романтическом месте, и я, такой большой и сильный, сценарист, креативный продюсер. Или это кризис среднего возраста? Или это все вместе? Невероятно ведь пошло, невероятно. У меня и зубов-

то почти нет. С чего я вообще решил, что могу быть ей хоть сколько-то интересен как мужчина? А если интересен? Если, например...

– Олег, у тебя опять такое лицо... О чем ты думаешь?

Действительно, о чем?

Афина сидела в бойнице башни, обхватив колени руками, и улыбалась. Ветер ласково трепал ее длинные русые волосы, а солнце подсвечивало со спины.

– Ты как ангел. Из-за солнца... оно... Ты только не подумай...

– Я и не думаю.

– Если хочешь... Мы могли бы вечером поужинать. Вдвоем.

– Я хочу.

У вас так бывало – все внутри кричит, что вы совершаете глупость, небо кричит, солнце, стены, земля, а вы все равно ее совершаете? Не хотите даже, не желаете, понимаете все прекрасно, но... Я будто в падающем самолете оказался. Знаю, что он падает, знаю, что это неправильно. Но он падает, и это неправильно. Но он падает...

Мы договорились встретиться в ресторане при отеле в девять вечера. В семь вечера мне позвонила жена. Я ее люблю. Она меня из такой тьмы вытаскивала... Я ее люблю. Жена спросила, как у меня дела, как прошел день, что нового, не заболел ли я, сказала, что она по мне сильно скучает. А я стоял и смотрел на две рубашки, разложенные на кровати, и выбирал наилучшую. В конце концов, жене не обязательно знать про Афины, тем более что и знать тут нечего. Просто ужин, просто беседа. Между актрисами и сценаристами такое сплошь и рядом. Невинность. Выдумывать просто не надо. Не надо, и все. Это не грех, не прелюбодеяние. Обычный ужин.

Перед ужином я решил на всякий случай помыться. Не чтобы что-то, а как бы вообще. В ванне, а мне достался номер с ванной, а не с душевой кабиной, которые я не люблю... Только не подумайте ничего. В ванне я нечаянно представил Афины, а потом специально жену. А потом я подумал, что если я, например, снова представлю Афины... Понимаете, я уже две недели не был с женщиной, а для меня это долго. Я вообще тринадцать лет ни с кем не был, кроме жены. Но не потому, что я верный и хороший, а потому, что я три года в библейской школе проучился и раньше очень сильно Христу верил и Новому Завету. Поэтому, даже когда я хотел с другой женщиной переспать предательским образом втайне от жены, у меня член не вставал от чувства вины. Так ни разу и не встал. Два раза не встал то есть. А на жену постоянно встает. Это тоже все как-то само, без участия головы. Видимо, я таким уродился. Так вот. Я представил Афины и вдруг подумал, что если я ее и дальше буду представлять, то скоро как бы разрешусь от бремени и, может быть, охладю к ней, познав ее... ну, в известном смысле. То есть... Малой кровью. Здесь и сейчас, отчасти понарошку, но отчасти и по-настоящему. Приличный человек позвонил бы ей, сказался больным и отменил бы ужин, а я поступил так, как поступил. Обычно руки не успевают за головой, а тут голова не успевала за рукою. Мне было очень стыдно и очень хорошо. Я ни о чем не жалел. А если и жалел, то ради самого этого чувства, которым странно наслаждался. Так, наверное, преступник наслаждается тем, что его не поймали, что он всех обхитрил, хоть и поступил плохо.

После ванны я оделся, надушился и спустился в ресторан. Афины нет. Я сел за столик и стал изучать меню. Тут звонит Афина и говорит, что слегла с температурой. Я сразу подумал, что она не хочет меня видеть, и даже пережил падение не самого тяжелого камня с души. С этим я поторопился.

– Ты мог бы купить «Терафлю» и принести мне. Я в семнадцатом номере. И градусник еще.

– У тебя точно температура? Как ты без градусника...

– Олег, я вся горю.

– Бегу.

Я, конечно, не побежал, но зашагал довольно быстро, купил все необходимое и пришел к Афине в номер. Она открыла мне, завернувшись в одеяло. Я увидел босые ступни. Ногти были покрашены алым. Сочным алым. Кровавым. Этот цвет контрастировал с ее мраморной кожей. Ее ноги произвели на меня оглушительное впечатление. Афина легла в постель. Я сел возле нее на краешек кровати.

– Потрогай мне лоб, я вся горю.

Я положил ладонь ей на лоб.

– Кто же рукой трогает? Трогай губами.

Я склонился над ней и прижался губами к ее холодному лбу, потом к губам, щеке, векам, носу, шее, груди, животу, ногам... Конечно, ничего этого в помине не было. Я это все себе напредставлял, пока ходил в аптеку. А написал я это, чтобы вы лучше поняли мое состояние и то, что хитрость в ванной мне не помогла. И еще, что я всегда и все представляю с мелкими правдоподобными подробностями, вроде цвета лака для ногтей, отчего, с одной стороны, сам в свою брехню верю, а с другой – постоянно разочаровываюсь, потому что реальность редко дотягивает до моих выдумок.

Я поднялся к Афине, обуреваемый желаниями. Я ждал всего, чего угодно, но не того, что она чуть приоткроет дверь, заберет пакетик с лекарствами, тихо скажет: «Спасибо» – и тут же закроет дверь. Помню, я стоял, смотрел на дверь, смотрел на дверь, смотрел на дверь, смотрел на дверь, смотрел на дверь, а потом зачем-то достал член и нассал на нее. В смысле, нассал на дверь. Я ссал, а моча никак не хотела заканчиваться. Тут дверь открылась, я увидел Афины и упал в обморок ей под ноги. Вот опять я наврал. Нет, я смотрел на дверь, но вовсе на нее не писал, я бы такого никогда не сделал. Мне даже слово «нассал» писать неприятно, но я все равно, конечно, грустил. А когда вернулся к себе и лег спать, то перед сном стал нечаянно представлять, как сложилась бы наша с Афиной жизнь, если б наша с Афиной жизнь сложилась. В этих приятных и тревожных фантазиях я уснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.